

РАННИЙ МАМАРДАШВИЛИ

Лапин Н.И. (Москва)

Кем быть тебе велено богом
и занимать суждено средь людей
положение какое.
Это познай.

Персий, римский поэт-стоик, I в. н.э.

12 ЛЕТ СОВМЕСТНОЙ С МЕРАБОМ УЧЕБЫ И РАБОТЫ

Мне довелось учиться и работать вместе с Мерабом более 12 лет (1949–1961): в студенческой группе № 2 на философском факультете МГУ и в аспирантуре на кафедре истории западно-европейской (зарубежной) философии того же факультета, в редакции журнала «Вопросы философии». Между нами сложилось взаимное доверие, которое не нарушалось и после 1961 г., когда Мераб уехал в Прагу, в журнал «Проблемы мира и социализма», а я перешел в Соцэкгиз, чтобы создать редакцию литературы по истории философии¹. Это психологическое чувство (состояние) доверия сохраняется во мне постоянно и делает мое чтение текстов Мераба слитным с его обликом как человека, личности, что служит одной из предпосылок близкого их восприятия, «презумпцией понимания» — конечно, не безусловного².

После возвращения Мераба в Москву мне случалось лишь изредка встречаться с ним. Памятна поездка в Италию осенью 1967 г. в составе большой делегации в связи с 50-летием Октябрьской революции. Члены делегации выступали с докладами и лекциями в разных городах и провинциях страны. Я рассказывал коммунистам и другим левым на севере и юге страны о социальном планировании на советских предприятиях. А Мераб, насколько я припоминаю, оставался в Риме и готовился к докладу по проблемам интеллигенции в Институте им. А. Грамши — впервые на итальянском языке, который он освоил для

¹ Созданная редакция инициировала выпуск двух серий книг: «Философское наследие» и «Мыслители прошлого»; они продолжают поныне.

² См.: *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 14.

этой задачи¹. Доклад прошел успешно. Следующий день был свободным, и мы отправились на прогулку. Мераб наслаждался атмосферой повседневной жизни вечного города, ощущая себя на его улицах таким же, как его жители, — своим, свободным человеком; он увлек меня в старинное кафе «Tre scalini», где бывал и прежде, особенно уютно чувствуя себя в его полуподвале, куда попадаешь по трем ступенькам вниз.

Незадолго до конца командировки Мераб позвонил из гостиницы кому-то в Париж, потом сказал, что хочет на несколько дней съездить во Францию, пообщаться с друзьями. Мои опасения, что это означает нарушение формальных правил, он встретил ироничной улыбкой. И съездил к друзьям в любимый Париж. А по возвращении в СССР стал невыездным до перестройки. Это незаслуженно жестокое отношение «органов» к человеку, который лишь год назад вернулся из Праги, где 6 лет успешно работал в международном журнале и без излишних формальностей бывал в других европейских странах, не могло не оставить глубокий шрам в его сердце и сознании. Я лишь предполагаю, но не могу не связывать с этим унижением личного достоинства поворот М.К. Мамардашвили в 1968–1970 гг. к более радикальному осмыслению актуальных проблем советского общества, о чем будет сказано несколько позже.

В середине и второй половине 70-х гг. Мамардашвили, после вынужденного ухода из «Вопросов философии», работал в Институте истории естествознания и техники, старшим научным сотрудником Сектора методологии историко-научных исследований. Тогда там была очень интересная творческая группа: заведующий сектором Борис Грязнов, Анатолий Ахутин, Виктор Визгин, Пиама Гайденоко... Секретарем сектора была моя жена Ирина, пользовавшаяся расположением Мераба. Как-то в конце 70-х он заглянул к нам домой, на Ленинский проспект; мы вспоминали студенческие годы и обсуждали текущие перипетии своей жизни. В интонациях Мераба проступала грусть и некоторая усталость.

Во время одной из командировок в Тбилиси я побывал у него дома, где застал его за чтением Пруста. Мераб представил меня

¹ По-видимому, Мераб использовал текст доклада «Интеллигенция в современном обществе», с которым он ранее выступил на международной научной сессии «Проблемы рабочего движения» (Москва, апрель 1967 г.). См. текст доклада в книге: *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 329–336.

своей сестре, Изе Константиновне, увлеченно рассказывал о своеобразии мышления французского писателя, затем повел на одну из окраин города, в любимое место времяпровождения в школьные годы.

В конце 1987 г., в бытность директором Института философии, я побудил Мераба выступить с докладом на общеполитическом семинаре¹. Он выбрал тему «Проблема сознания и философское призвание». Перед началом семинара заметил, что сознательно рискнул рассуждать о таком предмете в аудитории, состоящей из тех, кто сам профессионально занимается философией и каждый по-своему понимает обсуждаемую тему. Действительно, были непростые вопросы на понимание позиции докладчика. В целом доклад был воспринят с большим интересом и в 1988 г. опубликован в «Вопросах философии».

Отмечу и другой, профессиональный мотив моего интереса к теме «Ранний Мамардашвили». Первой моей специальностью была история философии: кандидатская диссертация посвящена началу перехода К. Маркса к материализму и коммунизму; затем в книге «Молодой Маркс» и докторской диссертации я попытался воспроизвести процесс *формирования* взглядов Маркса в цельное мировоззрение. Иными словами, меня особенно интересовали начальные этапы становления новых взглядов, переходы от одного этапа к другому. Уже поэтому я согласен с вопросами Н.В. Мотрошиловой относительно эволюции взглядов Мамардашвили: «Как соотносятся различные этапы творчества этого философа — ранний ... и более поздний». Вместе с тем, как заметил Э.Ю. Соловьев, весьма важно уяснить, «в чем могло бы состоять продолжение его дела». Сознаю трудности таких задач: надо стараться быть конкретно-аутентичным и в то же время выявлять общую логику пути-опыта философского мышления Мамардашвили в целом. Любая интерпретация останется открытой, незавершенной...

О НАЧАЛЕ ПУТИ ФИЛОСОФА: НЕТИПИЧНЫЙ ОБРАЗ-ЗАМЫСЕЛ

Мераб подчеркивал: «Мой опыт нетипичен». Это действительно так. Вспомним характерное его высказывание о своем

¹ О характере семинаров, проходивших в то время в Институте философии, можно судить по сб.: Философское сознание: драматизм обновления / Отв. ред. Н.И. Лапин; Сост. Е.Н. Шульга. М.: Политиздат, 1991.

деле и о себе, сделанное в лекции «Вена на заре XX века» (октябрь 1990 г., Москва): «Философия не профессия, а темперамент и способ жизни, и я не могу сообщить вам никакой суммы знаний, а лишь только передать **нечто совершенно интимное** и потому рискованное в смысле понимания (выделено мною. — Н.Л.)».

Добавим его замечания биографического характера из уже названного доклада в Институте философии (1987 г.): «Мои первые шаги в философии и влечение к ней были обусловлены... неосознанным желанием воссоединиться с чем-то, что мне казалось частью меня самого, родным мне, но почему-то утраченным и забытым... Иными словами, я смутно пытался прилепиться тогда к образу, о котором писал еще Кант, — “гражданин мира”...»

Лаконичную формулировку смысла этого образа Мамардашвили нашел в стихе римского поэта Персея, приверженца стоического отношения к жизни: *«Кем быть тебе велено богом и занимать суждено средь людей положение какое. Это познать»*. Гердер взял этот стих в качестве эпиграфа к своей работе о всемирной истории. Кант воспроизвел его в рецензии на эту работу Гердера. Поясняя сей факт в «Кантианских вариациях», Мераб интерпретировал внимание Канта к формуле Персея как к **завету**, который характеризует призвание философа — **стать гражданином мира**. И уверенно заключил: «В этом весь Кант». Мы столь же уверенно можем сказать: «В этом весь Мамардашвили».

КАК СЛУЧИЛОСЬ ЮНОМУ МЕРАБУ ПРИЛЕПИТЬСЯ К ОБРАЗУ ГРАЖДАНИНА МИРА?

Точный ответ мог дать только сам Мераб. Я выскажу свои предположения, опираясь на его тексты. В уже цитированной лекции «Вена на заре XX века» Мераб, говоря о своем «грузинском опыте», выделил «ощущение одного таланта, свойственного пространству», в котором он «родился и вырос. Я бы назвал это талантом жизни, или талантом незаконной радости... Вот нет никаких причин, чтобы радоваться, а мы устраиваем радостный пир из ничего».

И еще: мы участвуем в опыте цивилизации *«в зависимости от того, насколько **в молодости проснулись в нас гордость и***

достоинство, совершенно особое достоинство существования, уникального в любом из жизненных проявлений, проснулась страсть чувствовать себя существующим и убеждаться вновь и вновь в неотменимости нашего существования» (выделено мною. — Н.Л.).

Таковы выделенные самим Мерабом характерные черты его детства и юности. Первая, самая ранняя, этнокультурная: природная радость пиру жизни, благодаря которой в молодости проснулась страсть чувствовать себя существующим и утверждаться в неотменимости своего и других существования. И вторая, внутренняя черта становящейся личности: гордость и достоинство своего существования как уникального, включая достоинство профессиональных и иных занятий, с которыми связываешь свою жизнь и которыми можешь гордиться. Эти черты ментальности Мераба (отнюдь не исключительные) подсвечивали его поступки в студенческие и последующие годы.

Можно выделить еще одну черту: раннее знание нескольких языков — грузинского, русского и французского, воплощающих разные культуры. Он с детства владел ими, как родными; это бессознательно пробуждало его влечение к некоему общечеловеческому началу культуры как универсальной сферы бытия человека, позволяющей ему стать самоценно достойным и свободным гражданином всечеловеческого мира. Впоследствии Мераб освоил еще три языка: английский, немецкий, итальянский. Хотя они и не стали для него столь же «родными», как первые три, их знание усиливало его потребность *быть гражданином всечеловеческого мира*.

Думается, названные черты в совокупности повлияли на выбор Мерабом мышления как достойного предмета исследований. Это, в свою очередь, мотивировало его поступить на философский факультет как место продолжения образования.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ: ЯЗЫК КЛАССИЧЕСКИЙ *VERSUS* ДОГМАТИЧЕСКИЙ

Сказанное не следует оценивать как изначально сознаваемую устремленность к ясной цели. По собственным свидетельствам Мераба, первые его поиски некоего общечеловеческого начала культуры были, скорее, неосознанными. Этим поискам препятствовал догматичный язык учебников по философии кон-

ца 40-х — начала 50-х гг., который отчуждал читателя от подлинного смысла философии и ее проблем. Тем не менее это отчуждение во многом снималось требованием учебных программ того времени к студентам философского факультета: начиная с первого курса изучать первоисточники — имевшиеся переводы произведений классиков философской мысли.

Правда, нам, первокурсникам набора 1949 г., пришлось начинать со студирования «Материализма и эмпириокритицизма» В.И. Ленина. В связи с 40-летием написания «классического» труда (1909 г.) в тот год советская философия была сфокусирована на этом юбилее. Отношение Мераба к обсуждению содержания книги-юбиляра на семинарах было молчаливо-ироничным.

Зато на следующем курсе от нас требовалось основательно изучить «Капитал» Маркса, вникнуть в его непростое содержание. Эти семинары до сих пор стоят перед глазами. В нашей группе их вел элегантный молодой преподаватель экономического факультета Мансилья, ребенком вывезенный во второй половине 30-х годов в Москву из охваченной гражданской войной Испании («Дон Мансилья» — так между собой звали его студентки). Он был увлечен предметом преподавания, не только экономическим, но и философско-методологическим его смыслом. Мераб нередко оппонировал его интерпретации ряда положений Маркса: по первой главе «Капитала», по проблеме товарного фетишизма и др., по-своему выявляя логику Марксовой мысли¹.

На третьем курсе изучение классиков достигало апогея: мы должны были параграф за параграфом постигать «Науку логики» Гегеля. Далеко не всем удавалось преодолеть этот рубикон. Нашей группе повезло: занятия вел В.В. Соколов, который критически пояснял темные места гегелевской системы. Мераб проявлял интерес к философии Гегеля, но все же на первом плане у него оставалась методология «Капитала».

В те годы интерес студентов к процессу становления и развития философских взглядов Маркса был возбужден курсом лекций по истории марксистской философии, который блестяще читал Т.И. Ойзерман. Особенно впечатлял выполненный им

¹ Добавлю, что впоследствии Мансилья читал лекции по «Капиталу» самому Че Геваре, когда тот был министром промышленности в правительстве Фиделя Кастро.

анализ формирования философии марксизма¹. А за творческую разработку философско-методологических проблем «Капитала», соотношения диалектики, логики и теории познания в философии Маркса взялась самообразовавшаяся группа более молодых и совсем молодых *философов-пятидесятников*, которые начали страстно преодолевать догматизм советской философии и впоследствии составили *ядро шестидесятников*: Э. Ильенков, А. Зиновьев, Б. Грушин, Г. Щедровицкий...²

К пятому курсу Мераб Мамардашвили вошел в их круг. Как каждый из них, он имел свое понимание предмета и задач исследований в области философии. Первым опытом объективации этого понимания стала его дипломная работа «Логическое и историческое в «Капитале» Маркса» (1954 г.). Научным руководителем был И.С. Нарский, а оппонентом — Э.В. Ильенков³.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛЕКТИКИ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В ПОЗНАНИИ

Осенью 1954 г. Мераб был зачислен в аспирантуру философского факультета по кафедре истории западноевропейской философии и взялся за тему «К критике гегелевского учения о формах познания»⁴. Стал осваивать немецкий язык, на что ему потребовалось около полугода занятий — преимущественно самостоятель-

¹ На основе этой части курса лекций Т.И. Ойзерман опубликовал монографию «Формирование философии марксизма» (М.: Соцэкгиз, 1962). Полвека спустя он издал новую ее версию, переработанную, по его словам, с позиций «самокритики марксизма»: «Возникновение марксизма» (М.: Канон+, 2011).

² Подробнее см. статью Н.В. Мотрошиловой «Социокультурный контекст 50–80-х годов XX века и феномен Мамардашвили».

³ См.: Мамардашвили Е.М. Хроника основных событий жизни и творчества // Мераб Константинович Мамардашвили / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 389.

⁴ Руководил кафедрой Т.И. Ойзерман, а ее преподавателями были: В.Ф. Асмус, Ю.К. Мельвиль, И.С. Нарский, М.Ф. Овсянников (готовил книгу о Гегеле), В.И. Светлов (скончался в 1955 г.), В.В. Соколов. Мы слушали их научные доклады на заседаниях кафедры и участвовали в их обсуждении, В.Ф. Асмус учил нас не только логике, но и работе с первоисточниками. В те годы три аспиранта кафедры готовили диссертации по основным этапам формирования философских взглядов Маркса: Важо Кешелава — по «Святому семейству» и «Нищете философии»; Леонид Пажитнов — по «Экономическо-философским рукописям 1844 года»; Николай Лапин — по «Рейнской газете» и «Критике гегелевской философии права». Федор Цанн Кай-си исследовал гуманизм Гердера. Близость тематики побуждала нас к содержательному общению между собой, делала интересными наши проблемно-тематические семинары.

ных, с помощью уроков и текстов, записанных на пластинках; переводил нужные для диссертации тексты Гегеля. Участвовал в неформальных семинарах по методологии «Капитала», которые вел Э. Ильенков. Довольно быстро подготовил основной текст диссертации, но ее защиту пришлось отложить из-за появившегося требования ВАК об обязательности публикаций результатов. После аспирантуры (с осени 1957 г.) началась интересная работа в редакции журнала «Вопросы философии»¹. Защита диссертации состоялась в 1961 г. в Институте философии АН СССР.

В чем заключалась особенность философской позиции Мамардашвили в то время? Опираясь на разработку Марксом проблем диалектики в «Капитале», Мераб, по сути, поставил задачу экспериментально проверить гегелевскую теорию диалектики как способа познания. Уже первые его публикации свидетельствуют, что предметом его исследований становились не отдельные содержательные формы познания, но вся их совокупность, сущностные их характеристики как форм познания². В качестве универсальных Мераб рассматривал категории **формы** и **содержания** мышления, диалектические их взаимосвязи. Заслуга Гегеля состояла в том, что он, в отличие от аристотелевских формально-логических правил, выделил содержа-

¹ Напомню, что в 1956–1958 гг. редакция «Вопросов философии» осуществляла переход с четырех номеров журнала в год к шести, затем к 12 номерам. Это потребовало значительно увеличить число сотрудников редакции, прежде всего за счет молодежи. Отбор молодых сотрудников осуществлял ответственный секретарь журнала Михаил Иванович Сидоров; предполагаю, что в этом помогал его сын Мартен, который учился на нашем курсе, в группе № 1, и хорошо знал, кто чего стоит. В результате сотрудниками редакции стали только что закончившие аспирантуру И.Т. Фролов, И.В. Блауберг, М.К. Мамардашвили, Н.И. Лапин, Н.Б. Биккенин, совсем юный (сразу после окончания факультета) Э.Ю. Соловьев, затем А.П. Огурцов, В.Н. Садовский. Наряду с выполнением редакционных обязанностей каждый из нас продолжал работать над своей диссертацией. Одной из норм нашей работы в журнале было разделение, не смешивание формально заданной, оплачиваемой работы и не зависящих от нее собственных исследований.

Мераб работал консультантом, заместителем заведующего отделом критики буржуазной философии и социологии (с 1959 г. заведующим отделом стал Ю.А. Замошкин). Он установил первые контакты с рядом зарубежных философов, статьи которых подготавливал для публикации в журнале.

² Мамардашвили М.К. К понятию формы и содержания мышления в «Логике» Гегеля // Вестник МГУ. Серия «Экономика, философия, право». 1958. № 4; Мамардашвили М.К. Процессы анализа и синтеза // Вопросы философии. 1958. № 2; Некоторые методологические вопросы исследования истории философии как истории познания // Вопросы философии. 1959. № 12; Мамардашвили М.К. Исторический метод в «Истории философии» Гегеля // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3.

тельные формы мышления, которые определил как дедуктивные взаимосвязи категорий. Среди таких взаимосвязей он рассмотрел: единство исторического и логического, анализа и синтеза, восхождение от абстрактного к конкретному и др. Но Гегель интерпретировал эти формы как порождающие реальное их содержание, отождествил логический ход мысли о предмете с ходом истории самого предмета. Поэтому, заключил Мераб, Маркс сделал верный вывод: диалектика в гегелевской ее форме не есть метод добывания новых результатов, не есть логика исследования.

В 1961–1966 гг. Мамардашвили жил в Праге, где работал в журнале «Проблемы мира и социализма»¹. Вернувшись в Москву, он заведовал отделом в Институте международного рабочего движения (1966–1968). Главным его делом стало углубление понимания диалектики форм и содержания мышления в рамках классического подхода. Итогом стала монография «Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания)»². На ее основе Мамардашвили в 1970 г. защитил докторскую диссертацию в Институте философии АН Грузинской ССР; оппонентами выступили К. Бакрадзе, А. Зиновьев, А. Бегиашвили. В центре внимания Мераба сохраняется проблема диалектической логики как совокупности содержательных форм познания. Он находит, что идеалистическое воззрение Гегеля «обладает определенными преимуществами перед кантовской позицией, с которой эта проблематика и началась» (с. 116); но гегелевский способ анализа формы, отождествляющий ее с реальным содержанием, оказывается двусмысленным и иллюзорным (с. 129). В итоге проверка продуктивности гегелевской диалектики как метода **научного** познания дала отрицательный результат: «Гегелевские структуры не повлияли реально на развития науки... она прошла в своем развитии мимо них» (с. 141). И второй отрицательный результат: Гегелю не удалось построить научную историю философии на основе единства исторического и логического способов анализа (с. 160–161).

¹ Во второй половине 1961 г. группа сотрудников редакции «Вопросов философии», по представлению главного редактора международного журнала «Проблемы мира и социализма» А.Н. Румянцева, была откомандирована в Прагу для работы в этом журнале. Среди них был и М.К. Мамардашвили: он выполнял обязанности редактора-консультанта, затем заместителя заведующего отделом. Самым важным для него в этой работе было ощущение почти полной свободы мысли и действий, общения с европейскими коллегами.

² М.: Высшая школа, 1968. Редактор Ю.М. Бородай. 6 п. л.

Напротив, широкое влияние идей «Капитала» Маркса свидетельствовало о продуктивности материалистической диалектики, ее содержательных форм познания. Иными словами, помимо отрицательных результатов эксперимента по отношению к гегелевской диалектике сохраняется положительный ответ о возможностях диалектики материалистической¹. Сверх того, Мамардашвили обнаруживает более широкое поле реализации этих возможностей Марксом: в «Капитале» совершенно по-новому, диалектически осмысливается не только *познание*, но и *сознание*, прежде всего общественное сознание как особая абстракция.

На этом этапе (1968–1970) *осуществляется переход* философа от классической проблематики форм и содержания познания (мышления), которая была в центре предшествующих его исследований, к проблематике неклассического континуума «бытие-сознание», в особенности к проблемам «превращенных форм» этого континуума. Одновременно на почве новой проблематики выросла и завладела вниманием философа постнеклассическая проблема возможности неизвращенного сознания человека, свободно мыслящего в условиях превращенного бытия-сознания. Именно на этом этапе окончательно сформировалась и закалилась *классическая мужественная душа* Мераба Мамардашвили, особенности которой точно обрисовала Н.В. Мотрошилова².

ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА КАК НЕКЛАССИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ «БЫТИЕ-СОЗНАНИЕ»

Наряду с подготовкой монографии и докторской диссертации М.К. Мамардашвили сосредоточил внимание на обнаружен-

¹ Наш с Мерабом сокурсник и сотоварищ, выдающийся специалист в области логики В.А. Смирнов в большой статье, посвященной первой годовщине кончины Мамардашвили, содержательно обрисовал основные этапы его жизни и творчества. Но я не могу согласиться с имеющимся в статье негативным выводом относительно перспектив диалектической логики и методологии (см.: В.А.Смирнов. М.К.Мамардашвили: философия сознания // Коммунист. 1991; цит. по: Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. II. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 483).

² Мотрошилова Н.В. Мамардашвили: стиль мысли и жизни // Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. М.: Канон+, 2007. С. 218–230.

ных еще Марксом **превращенных форм деятельности человека**. Философ исследует эти формы в сфере сознания и в сложных социальных системах в целом.

В 1968 г. по инициативе И.Т. Фролова, который тогда был помощником секретаря ЦК КПСС, состоялось знаковое изменение редколлегии журнала «Вопросы философии». Главным редактором стал И.Т. Фролов, а его заместителем — М.К. Мамардашвили. В том же 1968 г. он опубликовал в журнале статью «Анализ сознания в работах Маркса». Охарактеризовав ее как «критический самоотчет исследователя»¹, Мамардашвили показал, что при анализе товара и вообще экономических форм Маркс радикально изменил всю схему причинности сознания. Пользуясь, по словам Мераба, «системной схемой причинности», Маркс открыл феноменологическую природу сознания — превращение предметов в квазипредметные образования. Возникает связь «реальность—сознание», в которой общественно значимые мыслительные образования («общественное сознание») суть превращенное сознание, вторичные формы которого могут исказить и скрывать первичные его формы, а человек перестает быть хозяином своего сознания. Подобное состояние в сфере сознания, заключил Мамардашвили, свидетельствует о «необходимости слома» общественных систем, порождающих такое состояние².

Это был революционный вывод. По-видимому, лишь ссылки на анализ Марксом товарно-денежных отношений, как бы адресовавшие этот вывод только к капитализму, позволили избежать запрета цензуры.

Вслед за этим Мамардашвили представил в редакцию завершавшейся «Философской энциклопедии» большую статью «Форма превращенная»³. В ней он, сгущенно используя специальную терминологию, охарактеризовал изучаемый феномен как продукт «превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенны-

¹ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса [Вопросы философии. 1968. № 6] // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 295.

² Там же. С. 314.

³ Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 5. С. 386–389. Том был сдан в набор в ноябре 1969 г., подписан к печати в сентябре 1970 г. Следует отметить, что публикации статьи способствовали заведующий редакцией философии Н.М. Ланда, заместитель главного редактора «Философской энциклопедии» А.Г. Спиркин.

ми выражениями»¹. А затем подвел под понятие «превращенные формы» весь **«континуум бытие-сознание»** как единый неклассический объект. Понятие и проблему превращенной формы он охарактеризовал как фундаментальный элемент развития современной методологии гуманитарных наук, исследование которого требует «различать классическую и современную, неклассическую философию».

Остается напомнить, что вскоре М.К. Мамардашвили (в соавторстве с Э.Ю. Соловьевым и В.С. Швыревым) в двух известных статьях «Классическая и современная буржуазная философия» показал, что в условиях господства государственно-монополистических структур «оказался поражен живой нерв духовного производства и самого механизма культуры»². И позднее он неоднократно обращался к этим проблемам. В 1984 г. в одном из публичных докладов он охарактеризовал свое отношение к ним как **ужас** перед «скрытой от глаз... антропологической катастрофой» и пояснил: «Система, называемая монополией, стоит вне цивилизации, так как разрушает само ее тело, порождая тотальное опустошение человеческого мира»³. Вряд ли можно было публично яснее оценить последствия монополично-партийного контроля за сознанием населения советского общества.

ПОДСТУП К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТАТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Что может философ перед угрозой этой антропологической катастрофы? Возможно ли неизвращенное сознание человека,

¹ Там же. С. 386; см. также: Мамардашвили М.К. Превращенные формы // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 316. Три года спустя после публикации статьи в «Философской энциклопедии» Мераб пояснит своей собеседнице из Франции: «Чтобы сбить со следа цензоров, помешать им докопаться до смысла, я вынужден выражаться очень сгущенно, непонятно. Я обречен нагонять на них скуку, а не нравиться» (Анни Эпельбаум. Переписка М.К. Мамардашвили с Луи Альтюссером // Мераб Константинович Мамардашвили. М.: РОССПЭН, 2009. С. 352). По-видимому, эти пояснения относятся и к статье «Превращенные формы», в которой обилие специальной терминологии зашифровывало отношение автора к иррациональной превращенности, скорее, не буржуазного, а советского общества.

² Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления): Статья вторая // Вопросы философии. 1971. № 4; см.: Философия, наука, культура: «Вопросам философии» 60 лет. М.: Вече, 2008. С. 223.

³ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 107, 117.

свободно мыслящего в условиях превращенного бытия-сознания? Вот фундаментальные вопросы, ответы на которые искал Мераб Мамардашвили последние два десятилетия напряженного и мужественного интеллектуального труда (70–80-е годы).

Началом поисков новой, назову ее постнеклассической, парадигмы стали «Три беседы о метатеории сознания» Мераба Мамардашвили и Александра Пятигорского. Замысел бесед возник в середине 1969 г., а уже в 1971 г. они были опубликованы¹. На исходный вопрос собеседника Мераб задал радикальную планку смысла их диалога: «то, что нас с необходимостью толкает к построению теории метасознания, есть необходимость борьбы с сознанием», т. е. такой работы с сознанием, в результате которой оно «перестает быть чем-то спонтанным, относящимся к природе, автоматически функционирующим. Сознание становится познанием... Борьба с сознанием вытекает из самого способа существования человека как сознательного существа»².

«Три беседы» создали канву метатеории сознания, доработанное изложение которой авторы представили через два года в виде «Метатеоретического введения о сознании» как первой части их совместной книги «Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке)»³. В этой ее части подтверждена установка на борьбу с автоматически функционирующим сознанием и уточнено авторское понимание сознания как такового: его сферы, состояний, структур. Сверх того, соавторы обратились к первичным слоям сознания, включая архаику автоматического их функционирования: к символическим и естественно-языковым системам, соотношению которых определяет характер культуры. При этом они акцентировали, что их понимание сознания и его структур противоположно как классической, так и многим современным «научным» интерпретациям: философским, семиотическим, психологическим, эстетическим, педагогическим.

¹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (Краткое введение в учение виджнянавады) // Труды по знаковым системам. Т. V. Ученые записки ТГУ. Вып. 284. Тарту, 1971. В данной статье автор использует последнее издание «Бесед» в составе книги: Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание (Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке). М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. С. 232–285.

² Там же. С. 234–235.

³ Эта книга впервые издана в Израиле в 1982 г.

Перед угрозой антропологической катастрофы советского общества М.К. Мамардашвили видел свою миссию как философа в том, чтобы продемонстрировать интеллектуальной молодежи **образы** философов и художников, являвших своим творчеством и всей своей жизнью **образцы свободы** в условиях превращенных форм деятельности, в изобилии рождаемых тоталитарными государствами разных эпох истории человечества. Титанов свободной мысли и повседневной жизни он видел в Сократе и Платоне, Декарте и Канте, Музиле и Прусте, Пастернаке и Мандельштаме... И считал своим долгом явить современникам и потомкам наглядные образы этих титанов¹. Это нацеливало Мераба на чтение курсов лекций и беседы со студентами — будущими философами и психологами, художниками и педагогами.

Предложенное М. Мамардашвили и А. Пятигорским постнеклассическое понимание сознания, как и характера культуры, составляет предмет дальнейших специальных исследований. Предстоит глубже выяснить соотношение смыслов лекционных курсов и других работ «позднего» Мамардашвили с его пониманием миссии философа перед угрозой антропологической катастрофы. Для меня нет сомнения, что как философ и человек он мыслил и жил согласно убеждению:

«Мир есть то, что создается после того и в зависимости от того, как каждый выполнит завет: “Кем быть тебе велено богом и занимать суждено средь людей положение какое. Это познай...”»²

¹ Вот почему к трудам Мамардашвили об этих титанах неприменимы стандартные требования к книгам по истории философии, науки, искусства.

² Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997. С. 15.